

дишь, инженеры-то и ученые, а ничего подѣлать не могутъ. Только судятъ-рядятъ да милліонами пошвыриваютъ. До милліонъ-то они даже охочи. Имъ только подавай, они чудесную дорожку проведутъ въ свой карманъ милліонамъ-то эфтимъ...

Выходка эта произвела различное впечатлѣніе на присутствующихъ. Володя взглянулъ на Щепоткина такимъ взглядомъ, какимъ глядятъ обыкновенно на досадную муху, жужжащую около уха, и, не удостоивъ его даже отвѣтомъ, отвернулся; нѣмецъ, очевидно, ничего не понялъ; Полянскій залился своимъ беззвучнымъ, шипящимъ смѣхомъ; Агнеса сдѣлала гримасу. Одинъ батюшка вдругъ заволновался и счелъ почему-то нужнымъ вступить за честь инженеровъ.

— Ну, нѣтъ, Астафій Петровичъ! Это ты напрасно! По наукъ-то оно совсѣмъ не такъ выходитъ... потому — наука, можно сказать...

— А ты, батя, помалчивай лучше! — перебилъ его Щепоткинъ, посмѣиваясь. — Ваша порода тоже, извѣстно, — руки загребушія, глаза завидушіе. Племя Левитово — сказано! Молчи, а то расскажу про Левита!

— Про какого тамъ еще Левита? — задыхаясь отъ смѣха, спросилъ Полянскій. Онъ очень любилъ грубыя, но иногда остроумныя выходки бывшаго тархана.

— А вотъ отъ котораго все племя поповское произошло. Видишь, какъ дѣло было: шелъ Христосъ съ Левитомъ и застигла ихъ въ дорогѣ ночь. Остановились они въ пещерѣ ночевать. Ну, извѣстно, ходили-ходили цѣлый день, — захотѣлось Левиту, по человечеству своему, покушать. А былъ у нихъ всего одинъ махонькій хлѣбецъ. Вотъ, вынимаетъ Христосъ эфтотъ хлѣбецъ, раздѣлитъ его пополамъ, одну половину Левиту отдалъ, другую себѣ оставилъ и сталъ на молитву. Съѣлъ Левитъ свою порцію, однако все ему ѣсть хочется, — только разманило пуще. А Господь все молится, все молится. И думаетъ Левитъ: „дай, моль, я у него возьму, — можетъ, онъ всю ночь промолится, глядишь, и про хлѣбъ забудетъ“... Взялъ, стащилъ у Христа хлѣбецъ, съѣлъ и заснулъ... Просыпается утромъ, глядь, а Христосъ уже въ путь собирается. „Ну, — говоритъ Христосъ, — пойдемъ, Левитъ; только я, говоритъ, отсюда въ другую сторону пойду, такъ давай съ тобою деньги подѣлимъ“. И раздѣлитъ Господь деньги на три кучки, — одну себѣ оставилъ, а другую Левиту даетъ. „Господи! — говоритъ Левитъ: — а кому же третья-то?“ „А это, — говоритъ Христосъ, — тому, кто у меня вчера хлѣбъ взялъ, останется“. Левитъ-то, какъ услышалъ эти слова, такъ деньги-то